

Мои Службы. Марина Ивановна Цветаева tsvetaevamarina.ru
Спасибо, что скачали книгу в бесплатной электронной библиотеке
<http://tsvetaevamarina.ru/> Приятного чтения!

Мои Службы. Марина Ивановна Цветаева

ПРОЛОГ

Москва, 11-го ноября 1918 г.

- Марина Ивановна, хотите службу? Это мой квартирант влетел, Икс, коммунист, кротчайший и жарчайший.

- Есть, видите ли, две: в банке и в Наркомнаце... и, собственно говоря (прищелкивание пальцами)... я бы, со своей стороны, Вам рекомендовал...

- Но что там нужно делать? Я ведь ничего не умею.

- Ах, все так говорят!

- Все так говорят, я так делаю.

- Словом, как вы найдете нужным! Первая - на Никольской, вторая здесь, в здании первой Чрезвычайки.

- я:-?!

- Он, уязвленный

- Не беспокойтесь! Никто вас расстреливать не заставит. Вы только будете переписывать.

я: - Расстрелянных переписывать?

Он, раздраженно: - Ах, вы не хотите понять! Точно я вас в чрезвычайку приглашаю! Там такие, как вы, и не нужны...

я: - Вредны.

Он: - Это дом Чрезвычайки, Чрезвычайка ушла. Вы наверное знаете, на углу Поварской и Кудринской, у Льва Толстого еще... щелк пальцами)... дом...

я: - Дом Ростовых? Согласна. А учреждение как называется?

Он: - Наркомнац. Народный Комиссариат по делам национальностей.

я: - Какие же национальности, когда Интернационал?

Он, почти хвастливо: - О, больше, чем в царские времена, уверяю вас!.. Так вот. Информационный отдел при Комиссариате. Если вы согласны, я сегодня же переговорю с заведующим. (Внезапно усомнившись) - Хотя, собственно говоря...

я: - Постойте, а это не против белых что-нибудь? Вы понимаете...

Он: - Нет, нет, это чисто механическое. Только, должен предупредить, пайка нет.

я: - Конечно, нет. Разве в приличных учреждениях?..

Он: - Но будут поездки, может быть, повысят ставки... А в банк вы решительно отказываетесь? Потому что в банке...

я: - Но я не умею считать.

Он, задумчиво: - А Аля умеет?*

я: - И Аля не умеет.

Он: - Да, тогда с банком безнадежно... Как вы называете этот дом?

Мои Службы. Марина Ивановна Цветаева tsvetaevamarina.ru

Я: - Дом Ростовых.

Он: - Может быть, у вас есть "Война и мир"? Я бы с удовольствием... Хотя, собственно говоря...

Уже лечу, сломя голову, вниз по лестнице. Темный коридор, бывшая столовая, еще темный коридор, бывшая детская, шкаф со львами... Выхватываю первый том "Войны и мира", роняю по соседству второй том, заглядываю, забываю, забываюсь...

- Марина, а Икс ушел! Сейчас же после вашего ухода! Он сказал, что он на ночь читает три газеты и еще одну легкую газетку и что "Войну и мир" не успеет. И чтобы вы завтра позвонили ему в банк, в 9 часов. А еще, Марина (блаженное лицо), он подарил мне четыре куска сахара и кусок - вы только подумайте! - белого хлеба!

Выкладывает.

- А что-нибудь еще говорил, Алечка?

- Пойдите... (наморщивает брови)... да, да, да! Са-бо-таж... и еще спрашивал про папу, нет ли писем. И такое лицо, Марина, сделал... гримасное! Точно нарочно хотел рассердиться... ----- 13-го ноября (хорош день для начала!). Поварская, дом 1р. Соллогуба, "Информационный отдел Комиссариата по делам Национальностей".

-----

* Але 4 с половиной года (примеч. М. Цветаевой).

Латыши, евреи, грузины, эстонцы, "мусульмане", какие-то Мара-Мара", "Эн-Дунья", - и все это, мужчины и женщины в кацавейках, с нечеловеческими (национальными) носами и ртами. А я-то, всегда чувствовавшая себя недостойной этих очагов (усыпальниц!) Рода. (Говорю о домах с колонистами и о своей робости перед ними.)

14-го ноября, второй день службы.

Странная служба! Приходишь, упираешься локтями в стол (кулаками в скулы) и ломаешь себе голову: чем бы таким заняться, чтобы время прошло? Когда я прошу у заведующего работы, я замечаю в нем злобу.

Пишу в розовой зале, - розовой сплошь. Мраморные ниши окон, две огромных завешенных люстры. Редкие вещи (вроде мебели!) исчезли.

15-го ноября, третий день службы.

Составляю архив газетных вырезок, то есть: излагаю своими словами Стеклова, Керженцева, отчеты о военнопленных, продвижение Красной Армии и т.д. Излагаю раз, излагаю два переписываю с "журнала газетных вырезок" на "карточки"), потом наклеиваю эти вырезки на огромные листы. Газеты тонкие, шрифт еле заметный, а еще надписи лиловым карандашом, а еще клей, - это совершенно бесполезно и рассыпется в прах еще раньше, чем сожгут.

Здесь есть столы: эстонский, латышский, финляндский, молдаванский, мусульманский, еврейский и несколько совсем нечленораздельных. Каждый стол с утра получает свою порцию вырезок, которую затем, в течение всего дня, и обрабатывает. Мне все эти вырезки, подклейки и наклейки представляются в виде бесконечных и исхищеннейших вариаций на одну и ту же, очень скудную тему. Точно у композитора хватило пороха ровно на одну музыкальную фразу, а исписать нужно было стоп тридцать нотной бумаги, - вот и варьирует: варьируем.

Забыла еще столы польский и бессарабский. Я, не без основания, "русский"

Мои Службы. Марина Ивановна Цветаева tsvetaevamarina.ru
(помощник не то секретаря, не то заведующего).

Каждый стол – чудовищен.

Слева от меня – две грязных унылых еврейки, вроде селедок, вне возраста. Дальше: красная, белокурая – тоже страшная, как человек, ставший колбасой, – латышка: "Я эфо знала, такой миленький. Он участвовавший в загофоре и эфо теперь пригофорили к расстрелу. Чик-чик"... И возбужденно хихикает. В красной шали. Ярко-розовый жирный вырез шеи.

Еврейка говорит: "Псков взят!" У меня мучительная надежда: "Кем?!!" Справа от меня – двое (Восточный стол). У одного нос и нет подбородка, у другого подбородок и нет носа. (Кто Абхазия и кто Азербайджан?) За мной семнадцатилетнее дитя – розовая, здоровая, курчавая (белый негр), легко-мыслящая и легко-любящая, живая Атснаис из "Боги жаждут" франса, – та, что так тщательно оправляла юбки в роковой тележке, – "fiere de mourier comme une Reine de France."

Еще – тип институтской классной дамы ("завзятая театралка"), еще мирная дородная армянка (грудь прямо в подбородок, не понять: где что), еще ублюдок в студенческом, еще эстонский врач, сонный и пьяный от рождения... Еще (разновидность!) – унылая латышка, вся обсосанная. Еще...

(Пишу на службе.)

Опечатка:

"Если бы иностранные правительства оставили в покое русский народ" и т. д. "Вестник Бедноты", 27-го ноября, No 32.

я, на полях: "Не беспокойтесь! Постоят-постоят-и оставят!"

Пересказываю, по долгу службы, своими словами, какую-то газетную вырезку о необходимости, на вокзалах, дежурства грамотных:

"На вокзалах денно и ночью должны дежурить грамотные, дабы разъяснить приезжающим и отъезжающим разницу между старым строем и новым".

Разница между старым строем и новым:

Старый строй: – "А у нас солдат был"... "А у нас блины пекли" ... "А у нас бабушка умерла".

Только поздней поняла: "взят – конечно: нами!" Если бы белыми – так "отдан" (примеч. М. Цветаевой). 2 Готовая умереть, как французская королева (фр.).

Солдаты приходят, бабушки умирают, только вот блинов не пекут.

Встреча.

Бегу в Комиссариат. Нужно быть к девяти, – уже одиннадцать – стояла за молоком на Кудринской, за воблой на Поварской, за конопляным на Арбате.

Передо мной дама: рваная, худенькая, с кошелкой. Равняюсь. Кошелка тяжелая, плечо перекошилось, чувствую напряжение руки.

– Простите, сударыня – Может быть, вам помочь?

Испуганный взгляд:

– Да нет...

- Я с удовольствием понесу, вы не бойтесь, мы рядом пойдем.

Уступает. Кошелка, действительно, чертова.

- Вам далеко?

- В Бутырки, передачу несусь.

- Давно сидит?

- Который месяц.

- Ручателей нет?

- Вся Москва - ручатели, потому и не выпускают.

- Молодой?

- Нет, пожилой... Вы, может быть, слышали? Бывший градоначальник, Дский.

С Дским у меня была такая встреча. Мне было пятнадцать лет, я была дерзка. Асе было тринадцать лет, и она была нагла. Сидим в гостях у одной взрослой приятельницы. Много народу. Тут же отец. Вдруг звонок: Дский.

(И ответный звонок: "Ну, Дский, держись!")

Знакомимся. Мил, обаятелен. Меня принимает за взрослую, спрашивает, люблю ли я музыку, и отец, памятуя мое допотопное вундеркиндство:

- Как же, как же, она у нас с пяти лет играет!

Дский, любезно:

- Может быть, сыграете?

Я, ломаясь:

- Я так все перезабыла... Боюсь, вы будете разочарованы...

Учтивость Дского, уговоры гостей, настойчивость отца, испуг приятельницы, мое согласие.

-----

* Моей сестре (примеч. М. Цветаевой).

- Только разрешите, для храбрости, сначала с сестрой в четыре руки?

- О, пожалуйста.

Подхожу к Асе и, шепотом на своем языке:

- wi(p1)rwee (pesh]ide[re]nt nlei[pet] te[pe]r spi[pi]...

Ася не выдерживает.

Отец: - Что это вы там, плутовки?

Я - Асе: "Гаммы наоборот!"

Отцу:

- Это Ася стесняется.

Начинаем. У меня в правой руке ре, в левой до (я в басах). У Аси - в левой руке ре, в правой до. Идем навстречу (я слева направо, она справа налево). При каждой ноте громогласный двуголосный счет; раз и, два и, три и... Гробовое молчание. Секунд через десять неуверенный голос отца:

- Что это вы, господа, так монотонно? Вы бы что-нибудь поживее выбрали.

В два голоса, не останавливаясь:

- Это только сначала так.

Наконец, моя правая и Асиная левая - встретились.

Встаем с веселыми лицами.

Отец - Дскому: "Ну, как вы находите?"

И Дский, и свою очередь вставая: "Благодарю вас, очень отчетливо".

- -----

Рассказываю. По ее просьбе называю себя. Смеемся.

- О, он не только к шуткам был снисходителен. Вся Москва...

На углу Садовой прощаемся. Снова под тяжестью кошелки перекашивается плечо.

- Ваш батюшка умер?

- До войны.

- Уж и не знаешь, жалеть или завидовать.

- Жить. И стараться, чтобы другие жили. Дай вам Бог!

- Спасибо. И Вам

.Институт.

Думала ли я когда-нибудь, что после стольких школ, пансионов и гимназий, буду отдана еще и в Институт?! Ибо я в Институте и именно отдана (ИКСОМ).

Прихожу между 11 ч. и 12 ч. каждый раз сердце обмирает; у нас с Заведующим одни привычки (министерские!). Это я о главном Заведующем, Мре, своего собственного, Иванова, пишу с маленькой буквы.

Раз встретились у вешалки, - ничего. Поляк: любезен, да я по бабушке ведь - тоже полячка.

Но страшнее заведующего - швейцары. Прежние, кажется, презируют. Во всяком случае, первые не здороваются, а я стесняюсь. После швейцаров главная забота не спутаться в комнатах. Мой идиотизм на места.) Спрашивать стыдно, второй месяц служу. В передней огромные истуканы-рыцари. Оставлены за ненужностью... никому, кроме меня. Но мне нужны, равно как я, единственная из всех здесь, им сродни. Взглядом прошу защиты, из-под забрала отвечают. Если никто не смотрит, тихонько глажу скованную ногу. (Втрое выше меня.)

Зала.

Вхожу, нелепая и робкая. В мужской мышинной фуфайке, - как мышь. Я хуже всех здесь одета, и это не ободряет. Башмаки на веревках. Может быть, даже есть где-нибудь шнурки, но... кому это нужно?

Самое главное: с первой секунды Революции понять: Все пропало! Тогда все легко.

Мои Службы. Марина Ивановна Цветаева tsvetaevamarina.ru
Прокрадываюсь. Заведующий (собственный, маленький) - с места:

- Что, товарищ Эфрон, в очереди стояли? - В трех. - А что выдавали? " Ничего не выдавали, соль выдавали. - Да, соль это тебе не сахар!

Ворох вырезок. Есть с простыню, есть в строчку. Выискиваю про белогвардейцев. Перо скрипит. Печка потрескивает.

- Товарищ Эфрон, а у нас нынче на обед конина. Советую записаться.

- Денег нет. А вы записались?

- Какое!

- Ну что ж, будем тогда чай пить. Вам принести?

Коридоры пусты и чисты. Из дверей щелк машинок. Розовые стены, в окне колонны и снег. Мой розовый райский дворянский Институт! Покружив, набредаю на спуск в кухню: схождение Богородицы в ад или Орфея в Аид. Каменные, человеческой ногой протертые плиты. Отлого, держаться не за что, ступени косят и крутят, в одном месте летят стремглав. Ну и поработали же крепостные ноги! И подумать только, что в домашней самодельной обуви! Как зубами изгрызаны. Да, зуб, единственного зубастого старца: Хроноса - зуб!

Наташа Ростова! Вы сюда не ходили? Моя бальная Психея! Почему не вы потом, когда-то - встретили Пушкина? Ведь имя то же! Историкам литературы и переучиваться бы не пришлось. Пушкин - вместо Пьера и Парнас - вместо пеленок. Стать богиней плодородия, быв Психеей, Наташа Ростова - не грех?

Это было бы так. Он приехал бы в гости. Вы, наслышанная про поэта и арапа, пестроватым личиком вынырнули бы - и чем-то насмешенная, и чем-то уже пронзенная... Ах, взмах розового платья о колонну!

Захлестнута колонна райской пеной! И ваша - Афродиты, Наташи, Психеи по крепостным скользящим плитам - лирическая стопа!

- Впрочем, вы просто по ним пролетали за хлебом на кухню!

- -----

Но всему конец: и Наташе, и крепостному праву, и лестнице. (Говорят, что когда-нибудь и Времени!) Кстати, лестница не так длинна, - всего двадцать две ступеньки. Это я только по ней так долго (1818 г. - 1918 г.) шла.

Твердо. (Хочется сказать: твердь. Моложе была и монархия была - не понимала: почему небесная твердь. Революция и собственная душа научили.) Выбоины, провалы, обвалы. Расставленные руки нащупывают мокрые стены. Над головой, совсем близко, свод. Пахнет сыростью и Бониваром. Мнится, и цепи лязгают Ах, нет, это звон кастрюлек из кухни! Иду на фонарь.

Кухня- жерло. Так жарко и красно, что ясно: ад. Огромная, в три сажени, плита исходит огнем и пеной. "Котлы кипят кипучие ножи точат булатные, хотят козла зарезать"... А козел-то я.

Черед к чайнику. Черпают уполовником прямо из котла. Чай древесный, кто говорит из коры, кто из почек, я просто вру - и корней Не стекло - ожог. Наливаю два стакана. Обертываю в полы фуфайки. На пороге коротким движением ноздрей втягиваю конину: сидеть мне здесь нельзя, - у меня нет друзей.

- Ну-с, товарищ Эфрон, теперь и побездельничать можно! Это я пришла со стаканами.)

Мои Службы. Марина Ивановна Цветаева tsvetaevamarina.ru

- Вам с сахарином или без?

- Валите с сахарином!

- Говорят, на почки действует. А я, знаете...

...Да и я, знаете...

Мой заведующий эсперантист (т. е. коммунист от филологии). Рязанский эсперантист. Когда говорит об Эсперанто, в глазах теплится тихое безумие. Глаза светлые и маленькие, как у старых святых, или еще у Пана в Третьяковской галерее. Сквозные. Чуть блудливые. Но не плотским блудом, а другим каким-то, если бы не дикость созвучия, я бы сказала: запредельным. (Если можно побить Вечность, то ведь можно и блудить с нею! И блудящих с нею (словесников!) больше, нежели безмолвствующих любящих!)

Рус. Что-то возле носа и подбородка. Лицо одутлое, непрспанное, Думаю, пьяница.

Пишет по-новому, - в ожидании всемирного эсперанто. Политических убеждений не имеет. Здесь, где все коммунисты, и это благо. Красного от белого не отличает. Правой от левой не отличает. Мужчин от женщин не отличает, Поэтому его товариществование совершенно искренно, и я ему охотно плачу тем же. После службы ходит куда-то на Тверскую, где с левой стороны (если спускаться к Охотному) эсперантский магазин. Магазин закрыли, витрина осталась: засиженные мухами открытки эсперантистов друг к другу со всех концов света. Смотрит и вожделеет. Здесь служит, потому что обширное поле для пропаганды; все нации. Но уже начинает разочаровываться.

- Боюсь, товарищ Эфрон, что здесь все больше... (шепотом) жида, жида и латыши. Не стоило и поступать: этого добра - вся Москва полна! Я рассчитывал на китайцев, на индусов. Говорят, что индусы очень восприимчивы к чужой культуре.

Я: - Это не индусы, это - индейцы.

Он: " Краснокожие?

Я: - Да, с перьями. Зарезут и воспримут целиком. Если вы во френче - с френчем, если ты во фраке - с фраком. А индусы - наоборот: страшная тупость. Ничто чужое в глотку не идет, ни идейное, ни продовольственное. (Вдохновляясь) - Хотите формулу? Индеец (европейца) воспринимает, индус (Европу) извергает. И хорошо делают.

Он, смущенный:

- Ну, это вы... Я, впрочем... Я больше от коммунистов слышал, они тоже рассчитывают на Индию... (В свою очередь вдохновляясь) - Думал - в лоск разэсперанчу (Опадая) Без пайка - и ни одного индуса! Ни одного негра! Ни одного китайца даже.. А эти (круговой взгляд на пустую залу) - и слушать не хотят! Я им: Эсперанто, они мне: Интернационал! (Испугавшись собственного крика) - Я ничего не имею против, по сначала эсперанто, а потом уж... Сначала слово.

Я, впадая:

- А потом дело. Конечно. Сначала бе слово и слово бе...

Он, снова взрываясь:

- И этот Мара-Мара! Что это такое? Откуда взялось? Я от него еще - не только слова: звука не слышал! Это просто немой или идиот. Ни одной вырезки не получает - только жалованье. Да мне не жаль. Бог с ним, но зачем приходит? Ведь каждый день, дурак, приходит! До четырех, дурак, сидит. Приходил бы 20-го, к получке.

Я, коварно:

- А может быть, он, бедненький, все надеется? Приду, а на столе вырезка про мою Мару-Мару?

Он, раздраженно:

- Ах, товарищ Эфрон, бросьте! Какие там вырезки? Кто про Мару-Мару писать будет? Где она? Что она? Кому она нужна?

Я, задумчиво:

- А в географии ее нет... (Пауза.) И в истории нет... А что, если ее вообще нет? Взяли и выдумали, - для форсу. Дескать, все нации. А этого нарядили... А это просто немой... (Конфиденциально) - Нарочно немого взяли, чтобы себя не выдал, по-русски...

Он, с содроганием доглатывая остывший чай:

- А чччерт их знает!

Топота и грохота. Это национальности возвращаются с кормежки. Подкрепившись кониной, за вырезки. (Лучше бы вырезку, а? Кстати, до революции, руку на сердце полагаю не только не отличала вырезку от требухи, крупы от муки не отличала! И ничуть не жалею.)

Товарищ Иванов, озабоченно: - Товарищ Эфрон, товарищ Мр может зайти, спровадим-ка поскорей наше барахло. Сгребает) - "Продвижение Красной Армии. Стеклова ставим... "Ликвидация безграмотности"... "Долой белогвардейскую сволочь" - Это вам - "Буржуазия орудует"... Опять вам... "Все на красный фронт"... Мне... "Обращение Троцкого к войскам"... Мне... "Белоподкладочники и блслогвар"... Вам...

"Приспешники Колчака"... Вам... "Зверства белых"... Вам... Потопаю в белизне. Под локтем - Мамонтов, на коленях - Деникин, у сердца - Колчак.

- Здравствуй, моя "белогвардейская сволочь"!

Строчу со страстью.

- Да что же вы, товарищ Эфрон, не кончаете? Газету, Но, число, кто, о чем, - никаких подробностей! Я сначала было тоже так - полотнищами, да Мр наставил: бумаги много изводите.

- А Мр верит?

- Во что?

- Во все это.

- Да что тут верить! Строчи, вырезай, клей...

- И в Лету - бух! Как у Пушкина.

- А Мр очень образованный человек, я все еще не потерял надежду...

- Представьте, мне тоже кажется! Я с ним недавно встретила у виселицы... фу ты, Господи! - У вешалки: все эти "белогвардейские зверства" в голове... Четверть первого! Ничего, даже как-то умно поглядел... Так вы надеетесь?

- Как-нибудь вечером непременно затащу его в клуб эсперантистов.

- Аспирант в эсперанты?

Espere, enfant,demain! Et puis, demain encore...

Et puis toujours demain... Croyons en l'ayenir

Espere! Et chaque fois que se leve l'aurore

Soyons la. Pour prier comme Dieu pour nous benir

Мои Службы. Марина Ивановна Цветаева tsvetaevamarina.ru
Peut-etre...

Ламартина стих. Вы понимаете по-французски?

- Нет, но представьте себе, очень приятно слушать. Ах, какой бы из вас, товарищ Эфрон, эсперантист...

- Тогда я еще скажу, я в 6-ом классе об этом сочинение писала:

" A une jeune fille qui avait raconte son reve"
Un baiser... sur le front! Un baiser- meme en reve
Mais de mon triste front le frais baiser s'enfuit...
Mais de l'ete jamais ne revendra la seve,
Mais l'aurore jamais n etreindra la nuit

-----

* Надейся, дитя, завтра! И потом - завтра-опять...
И потом - всегда - завтра... Будем верить в будущее.
Надейся! И всякий раз, как заря начинает вставать,
Будем просить, чтобы Бог благословил нас.
Может быть... (фр).

2 "Девушке, рассказавшей свой сон".

Поцелуй... в лоб! Поцелуй - лишь во сне!
Но недавний поцелуй слетает с моего грустного лба...
Но из лета никогда не вернуться живительному соку,
И заря никогда не одолеет ночь (фр.).

Вам нравится? (И, не давая ответить) - Тогда я вам еще дальше скажу:

Un baiser sur le front! Tout mon etre frisonne,
On dirant que mon sang va remonter son cours...
Enfant! - ne dites plus vos rever a personne
Et ne reves jamais ...ou bien - reves toujours!

Правда, пронзает? Тот француз, которому я писала это сочинение, был немножко в меня... Впрочем) вру; это была француженка, и я была в нее..

- Товарищ Эфрон! (Шепот почти над ухом. Вздрагиваю. За плечом мой "белый негр", весь красный. В руке хлеб.) - Вы не обедали, может хотите? Только предупреждаю, с отрубями...

- Но вам же самой, я так смущена...

- А вы думаете... (морда задорная, в каждой бараньей кудре - вызов)... я его на Смоленском покупала? Мне Филимович с Восточного стола дал, пайковый, сам не ест. Половину съела, половину вам. Завтра еще обещал. А целоваться все равно не буду!

Мои Службы. Марина Ивановна Цветаева tsvetaevamarina.ru

Озарение: завтра же подарю ей кольцо – то, тоненькое с алмазным. Алмаз – Алладин – Алмаз – Алмаз — ...с алмазным. Она хорошенькая, и ей нужно. А я все равно не сумею продать.)

Дон. – Дон. – Не река-Дон, а звон. Два часа. И – новое озарение: сейчас придумаю срочность и уйду. Про белогвардейцев сейчас кончу – и уйду. Быстро и уже без лирических отступлений (я – вся такое отступление!) осыпаю серую казенную бумагу перлами своего почерка и виперами своего сердца Только ять выскакивает, контрреволюционное, в виде церковки с куполом – ять!!! "Товарищ Керженцев кончает свою статью пожеланием генералу Деникину верной и быстрой виселицы. Пожелаем же и мы, в свою очередь, товарищу Керженцеву"...

– Сахарин! Сахарин! На сахарин запись! – Все вскакивают. Надо воспользоваться чужим сладострастием в целях своего свободолюбия. Вкрадчиво и нагло подсовываю Иванову свои вырезки Поцелуй в лоб! Все мое существо дрожит, И кажется, кровь возобновляет свой круг... Дитя! – Не рассказывайте Ваших снов никому. И не грезьте никогда – или- мечтайте всегда] (фр.) Накрываю половинкой бело-негрского хлеба. (Другая половинка – детям.)

– Товарищ Иванов, я сейчас уйду. Если Мр спросит, скажите, в кухне, воду пью.

– Идите, идите.

Сгребаю черновую с Казановой, кошелку с 1 ф соли... и боком, боком...

– Товарищ Эфрон! – нагоняет меня уже возле рыцарей. – Я завтра совсем не приду. Очень бы вас просил, приходите – ну – хотя бы к 10 1/2 часам. А послезавтра, тогда, совсем не приходите, Вы меня крайне выручите. Идет?

– Есть!

Тут же, при недоумевающих швейцарах, молодежато отдаю честь, и гоном гоном – белогвардейской колоннадой, по оснеженным цветникам, оставляя за собой и национальности, и сахарин, и эсперанто, и Наташу Ростову -- к себе, к Але, к Казанове: домой!

Из "Известий":

"Господство над морем – господство над миром!"

(Упоена как стихом.)

9/23 января (Известия Ц.И.К. "Наследник").

Кто-то читает: "Малолетний сын Корнилова, Георгий, назначен урядником в Одессе".

я, сквозь общий издевательский хохот, невинно:

– Почему урядником? Отец же не служил в полиции!

(А в груди клокочет.)

Чтец: – Ну там, знаете, они все жандармы!

(Самое трогательное, что ни коммунист, ни я в ту минуту и не подозревали о существовании казачьих урядников.)

В нашем Наркомнаце есть домашняя церковь, – соллогубовская, конечно. Рядом с моей розовой залой. Недавно с "белым негром" прокрасились. Тьма, сверкание, дух как из погреба. Стояли на хорах. "Белый негр" крестился, я больше думала о

Мои Службы. Марина Ивановна Цветаева tsvetaevamarina.ru
предках (привидениях!). В церкви мне хочется молиться только, когда поют. А Бога в помещении вообще не чувствую.

Любовь – и Бог. Как это у них спевается? (Любовь, как стихия любовного, Эрос земной.) Кошусь на своего белого негра; молится, глаза невинные. С теми же невинными глазами, теми же моленными устами...

Если бы я была верующей и если бы я любила мужчин, это во мне бы дралось, как цепные собаки.

Отец моего "белого негра" служит швейцаром в одном из домов (дворцов), где часто бывает Ленин (Кремль). И мой "белый негр", часто бывая на службе у отца, постоянно видит Ленина. – "Скромный такой, в кепке".

Белый негр – белогвардеец, то есть, чтобы не смешивать: любит белую муку, сахар и все земные блага. И, что уже серьезнее, горячо и глубоко богомолен.

– Идет он мимо меня, М И, я: "Здрасьте, Владимир Ильич!" – а сама (дерзко-осторожный взгляд вокруг: – Эх, что бы тебя, такого-то, сейчас из револьвера! Не грабь церквей! (разгораясь): – И знаете, М И, так просто, – вынула револьвер из муфты и ухлопала!.. (Пауза). – "Только вот стрелять не умею... И папашу расстреляют..."

Попади бы мой негр в хорошие руки, умеющие стрелять, и умеющие учить стрелять, и, что больше, – умеющие губить и не жалеть – а--эх!..

Есть у нас в комиссариате одна старая дева – тощая – с бантом влюбленная в своих великовозрастных братьев-врачей, достающая им по детским карточкам шоколад, – проныра, сутяга, между прочим, знающая языки ("такая семья"), и т. д. Когда она слышит о чьей-нибудь болезни, то – с непоколебимой уверенностью – и точно отрубая что-то рукой – определяет: "Заразилась или "Заразился", смотря по тому, идет ли речь о лице женского или мужского пола.

Тиф или ишиас – у нее все слис.

Стародевический психоз.

А есть другая – пухлая, сырая, бабушкина внучка, подружка моего белого негра, провинциалочка. Это совсем трогательная девочка. Только недавно приехала из Рыбинска. Дома остались бабушка и братец. Двойной и неистощимый кладезь блаженств.

– Наша бабушка такая: маленьких детей но выносит. Грудного нипочем на руки не возьмет: запах, говорит, от них и беспокойство. Ну, а подрастут ничего. Нарядит, научит. Меня с шестого года растила. "Кушать хочешь?" "Хочу" – "Ну, иди на кухню, смотри, как обед готовится". Так я с десяти лет уж решительно все умела (оживляясь): не только пироги там, котлеты, – и паштеты, и заливное, и торты... Так же и с шитьем: "Ты девочка, тебе женщиной быть, хозяйкой, детей-мужа обшивать". Я – бегать, она меня за ручку да на скамеечку: "платки подрубай", "полотенца меть", а война началась – на раненых. Сама кроила, сама шила. Потом папаша женился – сиротка я – братец родился, все приданое ему сама... Все пеленки с меточками, гладью – А одеяльце его, в чем гулять выносят, так все моим кружевом обшито, в четыре пальца, кремовое... (Блаженно) – Ведь бабушка меня и вязать и гладью... Пяльцы мне собственные заказала... Мы богато жили! А все сама! И бабушка сама, и я сама... Я не могу, чтобы руки зря лежали!

Смотрю на руки: ручки: золотые! Маленькие, пухлые: стройные востроватые пальчики. Крохотное колечко с бирюзинкой. Был жених, недавно расстрелян в Киеве.

– Мне его приятель писал, тоже студент-медик. Выходит мой Коля из дому, двух шагов не прошел – выстрелы. И прямо к его ногам человек падает. В крови. А Коля – врач, не может же он раненого оставить. Оглянулся: никого. Ну и взял, стащил к себе в дом, три дня выхаживал. – Офицер белый оказался. – А на четвертый пришли, забрали обоих, вместе и расстреляли...

Ходит в трауре. Лицо из черноты землисто-серое. Недоедание, недосыпание, одиночество. Тошная, непонятная, непривычная работа в Комиссариате. Призрак жениха. Беспризорность.

Бедная тургеневская мешаночка! Эпическая - сиротка русских сказок! Ни в ком, как в ней, я так не чувствую великого сиротства Москвы 1919 г. Даже в себе.

Недавно заходила ко мне, стояла над моими развороченными сундуками: студенческий мундир, офицерский френч, сапоги, галифе, - погоны, погоны, погоны... - Марина Ивановна, вы лучше закройте. Закройте и замок повесьте. Пыль набивается, летом моль съест... Может, еще вернется...

И, задумчиво разглаживая какой-то беспомощный рукав:

- Я бы так не могла. Совсем как человек живой... Я и сейчас плачу...

Недавно были с ней в оперетке: она, "белый негр" и я (в первый раз в жизни). Напевы милые, стихи плохие. Сух и жесток русский язык в польских устах. Но... какая-то любовь, но... вне селедок и кошелок, но... свет, смех, жест!

Убожество? Но мне чем хуже - тем лучше. "Настоящее искусство" меня бы сейчас оскорбило. Все требования бы встали: "я не скот!"

А так - подделка за подделку: после фарса советского - полусветский фарс

Два слова еще о моей "невесте". С глазами, заплаканными по жениху (чудесные, карие), часами и жалобно выматывает себе и окружающим душу: "Я так люблю все жирное и сладкое... Я раньше гораздо полнее была... Я без сливочного масла жить не могу... Мне мороженая картошка в рот не идет"...

О ты, единственное блюдо

Коммунистической страны!

(Стих о вогле в меньшевицкой газете "Всегда вперед").

Мой помощник.

Наш стол обогатился новым сотрудником (собездельником было бы точнее). Богатырь, малиновый налив, волжанин. Вечно и зверски голоден. За обедом безнадежно просит надбавки: молча подставленная тарелка кротко и упорно вопиет. Ест все.

Собой красавец: восемнадцать лет, румянец такой, что жарко рядом сидеть: печь! Безбород и безус. Робок. Боится двинуться - знает, что сокрушит. Боится кашлянуть - знает, что оглушит. Робость и кротость великана. У меня к нему нежность, как к огромному теленку: безнадежная, потому что дать - нечего.

Узрев его впервые у стола - уральского ведмедя над кружевом "Известий", мы с Ивановым одновременно усмехнулись. Что думал Иванов - не знаю, я же в ту секунду знала: "Завтра не приду, и послезавтра не приду, и после-послезавтра не приду. Буду стирать и писать".

Не приходила не три дня, а шесть. На седьмой являюсь. Стол чист - ни одной вырезки: как языком слизано. Иванова ни признака. Медведь, расставив локти, один царствует.

Я, обеспокоенно:

- А где Иванов? Где вырезки?

Медведь, сияя:

- Иванова я с тех пор в глаза не видал! Я здесь целую неделю один восседал.

Я, в ужасе:

- Но вырезки? Журнал вели? Он, блаженно: - Какое- журнал! Все в корзине! Попытался было - перо плохое, бумага праховая, пишу - сам не разбираю. И такой сон на меня напал... К весне, должно быть.

(Я, мысленно; "Врешь, медведь, к зиме"!)

Он, продолжая:

- Ну, думаю, была-не была! Сгреб это я их, простыни-то эти, и в корзину. Утром прихожу - пусто. Должно быть, уборщица сожгла. И каждый день так. Маленькие все целы, для вас берег.

Выдвинут ящик: сонм белых бабочек!

И я, обольщенная строчкой и уже оторвавшись: мысленно:

"Сонм белых бабочек! Раз, два... четыре...

(- нет! -)

Сонм белых девочек! раз, две, четыре...

Сонм белых девочек - да нет - в эфире

Сонм белых бабочек! Прелестный сонм

Великих маленьких княжон...

и, огрызаясь, к "сотруднику":

- Сейчас мы все это восстановим... (мысленно; кроме великих княжон!) разберите хронологически.

Он: - Как это?

я:- По числам. Ну, 5"ое февраля. Римское II - это февраль, Вам ясно? 1 - январь, II - февраль...

Не дышит и не мигает.

-Тогда, постойте... Тогда просто пишите письмо домой. Берите перо и пишите: "Милая мама, мне здесь очень скучно и голодно"... в этом роде, или наоборот: "Мне здесь очень весело и сытно". Потому что, иначе она огорчится. А я сейчас буду восстанавливать статьи Стеклова и Керженцева.

Он, восхищенно: - Из головы?!

я: - Не из сердца же!

И, махом: "В статье от 5-го февраля 1919 г. "Блогвардейщина и белый слон" товарищ Керженцев утверждает"...

Перекочевываем на новое пепелище, - из дома Ростовых на Иерусалимское подворье. Целых десять дней перебираемся. Докрадываем остатки ростовско-соллогубовского добра. Я взяла себе на память тарелку с гербом. В кирпично-красном поле - 'Никогда не существовавшей' (примеч. М. Цветаевой), борзая. Лирическая кража, даже рыцарская: тарелка не глубокая и не мелкая, по нынешнему времени - явно для полужидкой воблы) а дома у меня на ней будет стоять чернильница.

Мои Службы. Марина Ивановна Цветаева tsvetaevamarina.ru
Бедные соллогубовские эльзевиры! В раскрытых ящиках! Под дождем! Пергаментные переплеты, французские витиеватые литеры... Свозят возами. Библиотечной комиссией заведует Брюсов Везут: диваны, комоды, люстры. Рыцари мои остаются. Вписанные в стену портреты, кажется, тоже. На месте - дележ. Ревностный спор "столов".

- Это нашему заведующему! "

-Нет, нашему!

- У нас стол карельской березы, к нему и кресло.

- Вот именно потому, что у вас стол, у нас будет кресло!

- Но нельзя же разбивать гарнитур!

Я, сентенциозно:

- Можно разбивать только головы!

"Стол" бескорыстен, - мы все равно ничего не получим. Все в кабинеты заведующих, влетает мой белый негр:

- Товарищ Эфрон! Если бы вы знали, как у Ц-лсра хорошо! Секретер красного дерева, ковер, бронзовые бра! Точно в старое время! Хотите, посмотрим?

Бежим через этажи. Комнаты Но Отдел такой-то... Кабинет заведующего. Входим, Негр торжествующе:

- Ну?

- Ему бы подушку под ноги и болонку...

- Будет с него и кота!

В глазах веселящийся бес.

- Товарищ Эфрон! Поймаем ему кота! Тут в 18-ой квартире есть. А? Я, лицемерно:

- Но он здесь все загадит.

- Вот этого-то я и хочу! Громилы проклятые!

Через три минуты кот выкраден и заперт. "Служба" кончена. Летим, родства не помня, со всех шести этажей.

- Товарищ Эфрон! Малиновая оттоманка-то, а?

- А графинины ковры-то, а? Вдогон диаболнческое мяуканье мстителя.

- -----

Три насущных М.

- Ну, как довели картошку?

- Да ничего, муж встретил.

- Вы знаете, надо в муку прибавлять картошку: 2/3 картошки, 1/3 муки.

- Правда? Нужно будет сказать матери.

У меня: ни матери, ни мужа, ни муки.

- -----

Мороженая картошка.

Мои Службы. Марина Ивановна Цветаева tsvetaevamarina.ru

- Товарищ Эфрон! Картошку привезли! Мороженая!

Узнаю, конечно, позже всех, но дурные вести - всегда слишком рано.

"Наши" уехали в экспедицию, сулили сахарные россыпи и жировые залежи, проехали два месяца и привезли... мороженую картошку! По три пуда на брата. Первая мысль: как довести? вторая: как съесть? Три пуда гнили.

Картошка в подвале, в глубоком непроглядном склепе. Картошка сдохла, и ее похоронили, а мы, шакалы, разроем и будем есть. Говорят, привезли здоровую, но потом вдруг кто-то "запретил", а пока запрет сняли, картошка, сперва замерзнув, затем оттаяв, сгнила. На вокзале пролежала три недели.

Бегу домой за мешками и санками. Санки - Алины, детские, бубенцовые, с синими вожжами, - мой подарок ей из Владимирского Ростова. Просторное плетение корзиночкой, спинка обита кустарным ковром. Только двух собак запрячь - и айда! - в северное сияние...

Но собакой служила я, северное сияние же оставалось позади: ее глаза! Ей тогда было два года, она была царственна. ("Марина, подари мне Кремль!" пальцем указывая на башни.) Ах, Аля! Ах, санки по полуденным переулкам! Моя тигровая шуба (леопард? барс?), которую Мандельштам, влюбившись в Москву, упорно величал боярской. Барс! Бубенцы!

У подвала длинный черед. Обмороженные ступени лестницы, Холод в спине: как втащить? Свои руки, - в эти чудеса я верю, но три пуда вверх! По тридцати упирающимся и отбрасывающим ступеням! Кроме того, один полоз сломан. Кроме того, я не уверена в мешках. Кроме всего, я так веселюсь, что - умри! - не помогут.

Впускают партиями: по десяти человек. Все - парами, мужья прибежали со своих служб, матери приплелись. Оживленные переговоры, планы: тот обменяет, этот два пуда насушит, третий в мясорубку пропустит (это три пуда-то?!) есть собираюсь, очевидно, только я.

- Товарищ Эфрон, добавочные брать будете? На каждого члена семьи полпуда. У вас сеть удостоверение на детей?

Кто-то:

- Не советую! Там одна слизь осталась.

Кто-то еще:

- Загнать можно!

Продвигаемся. Охи, выдохи, временами - смех: в темноте чьи-то руки встретились: мужская и женская. (Мужская с мужской - не смешно.) Кстати, откуда это веселящее действие Эроса на малых сих? Вызов? Самооборона? Скудость средств выявления? Робость под прикрытием легкости? Дети ведь, испугавшись, тоже часто смеются. "L'amour n'est ni joyeux tendre".

А может быть - вернее всего - никакого amour, просто неожиданность: мужская с мужской - ругань - мужская с женской - смех. Неожиданность и безнаказанность.

Говорят о предстоящем суде над сотрудниками, представили огромные счета и на закупленное и на прожитое: какие-то постои, подводы, извозчики... Себе, конечно, нахватили всего.

- Вы заметили, как такой-то отъелся?

- А такой-то? Щеки лопаются!

Впустили. Навстречу ошалелая вереница санок. Полозья по ногам. Окрики. Тьма. Идем по лужам. Запах поистине тлетворный.

- Да посторонитесь же!!!

- Товарищ! Товарищ! Мешок лопнул!

Хлипь. Хлябь. Ноги уходят по щиколку. Кто-то, тормозя весь цуг, яростно разувается: валенки насквозь! Я давно уже не чувствую ног. -Да свет-то когда-нибудь - будет?!

- Товарищи! Удостоверение потеряла! Ради всего святого - спичку! Вспыхивает. Кто-то на коленях, в воде, беспомощно разгребает слизь

- А вы в карманах поищите! - Вы, может, дома забыли? Да разве тут найдешь?! - Продвигайтесь! Продвигайтесь! Товарищи, встречная партия! Поберегись!!!

И - прогал. Прогал и водопад. Квадратная дыра в потолке сквозь которую дождь и свет. Хлещет, как из дюжины труб. - Потонем! - Прыжки, скачки, кто-то мешок упустил, у кого-то в проходе санки завязли. - Господи!

Картошка на полу: заняла три коридора. В конце более защищенном, менее гнилая. Но иного пути к ней, кроме как по ней же нет. И вот: ногами, сапогами. Как по медузьей горе какой-то. Брать нужно руками: три пуда. Но оттаявшая слиплась в чудовищные гроздья. Я без ножа. И вот, отчаявшись (рук не чувствую) - любовь - не веселье и нежность (фр.), какую попало: раздавленную, мороженую, оттаявшую... Мешок уже не вмещает. Руки, окончательно окоченев, не завязывают. Пользуясь темнотой, начинаю плакать, причем тут же и кончаю.

- На весы! На весы! Кому на весы?!

Взваливаю, тащу.

Развешивают два армянина, один в студенческом, другой в кавказском. Белоснежная бурка глядит пятнистой гиеной. Точно архангел коммунистического Страшного Суда! (Весы заведомо врут!)

- Товарищ барышня! Не задерживай публику!

Ругань, пинки. Задние напирают. Я загромоздила весь проход. Наконец, кавказец, сжалившись - или рассердившись, откатывает мой мешок ногой. Мешок слабо завязанный, рассыпается. Клюканье. Хлипанье. Терпеливо и не торопясь подбираю.

Обратный путь с картошкой. (Взяли только два пуда, третий утаили.) Сначала беснующимися коридорами, потом сопротивляющейся лестницей, слезы или пот на лице, не знаю.

И не знаю, дождь или слезы

на лице горят моем...

Может, и дождь! Дело не в этом! Полоз очень слаб, расщепился посередине, навряд ли доедем. (Не я везу санки, вместе везем. Санки - сподвижник по беде, а беда - картошка. Собственную беду везем!)

Боюсь площадей. Арбатской не миновать. Можно было с Пречистенского переулками, но там спуталась бы. Ни снега, ни льда: везу по воде, местами по сухому. Задумчиво люблюсь на бульжники, уже розовые..

- О, как все это я любила!

Вспоминаю Стаховича. Увидь он меня сейчас, я бы неизбежно сделалась для него предметом гадливости. Все, вплоть до лица, в подтеках. Я не лучше собственного мешка. Мы с картошкой сейчас - одно.

- Да куда ты пре-ешь! Нешто это можно - прямо на людей ! Буржуйка бесхвостая!

- Конечно, бесхвостая, - только черти хвостатые!

Кругом смех. Солдат, не унимаясь:

- Ишь, шляпку нацепила! А морду-то умыть...

Я, в тон, указывая на обмотки:

- Ишь, тряпки нацепил!

Смех растет. Я, не желая упустить диалога, останавливаюсь, якобы поправляя мешок.

Солдат, расходясь:

- Высший класс называется! Интеллихенция! Без прислуги лица умыть не могут!

Какая-то баба, визгливо: - А ты мыла дай! Мыло-то кто измылил? Почем мыло-то на Сухаревой, знаешь?

Кто-то из толпы:

- Чего ему знать? Ему казенное идет! А вы, барышня, картошку несете?

- Мороженую. На службе дали.

- Известно, мороженую- хорошая-то самим нужна! Подсобить, что ли?

Толкаю вожжи напрягаются, еду. Пощади голос бабы ... солдату:

- Что ж она, что в шляпе, не человек, что ли?

Рас-су-ди-ил!

Итог дня: два чана картошки. Едим все: Аля, Надя, Ирина, я, Надя Ирине, лукаво:

- Кушай, Ирина, она сладкая, с сахаром.

Ирина, тупясь и отворачиваясь: - Ннне...

-----

20 марта, вместо "Монпленбеж", задумавшись, пишу "Монплэзир" (Mопрlаіsіr вроде маленького Версаля XVIII в).

Благовещение 1919 г.

Цены:

1 ф муки-- 35 р

1 ф картошки - 10 р

10 ф моркови - 7 р 50 к

1 ф луку - 15 р

селедка -. 25 р

(Жалованье - ставки у нас еще не прошли - 775 руб в месяц.)

25-го апреля 1919 г.

Ухожу из Комиссариата. Ухожу потому что не могу составить классификации. Пыталась, из жил лезла, - ничего. Не понимаю Не понимаю, чего от меня хотят: "Составьте, сопоставьте, рассортируйте... Под каждым делением - подразделение". Все в одно слово, как спелась. Опросила всех: от заведующего отделом до

Мои Службы. Марина Ивановна Цветаева tsvetaevamarina.ru
одиннадцатилетнего курьера - "Совсем просто". И, главное, никто не верит, что не понимаю, смеются.

Наконец, села к столу, обмакнула перо в чернила, написала: ЭПИЛОГ:

7-го июля 1919 г.

Вчера читала во "Дворце Искусств" (Поварская, 53, д Соллогуба, моя бывшая служба) - "Фортуна". Меня встретили хорошо, из всех читавших - одну рукоплесканиями. (Оценка не меня, а публики.)

Читали, кроме меня: Луначарский - из швейцарского поэта Карла Мюллера, переводы; некий Дир Туманный ~ свое собственное, т. е. Маяковского, - много Даров Туманных и сплошь Маяковский! Луначарского я видела в первый раз. Веселый, румяный, равномерно и в меру выпирающий из щеголеватого френча. Лицо средне-интеллигентское: невозможность зла. Фигура довольно круглая, но "легкой полнотой" (как Анна Каренина). Весь належке. Слушал, как мне рассказывали, хорошо, даже сам шипел, когда двигались. Но зала была приличная.

"Фортуна" я выбрала из-за монолога в конце"

...Так нам и надо за тройную ложь

Свободы, равенства и братства!

Так отчетливо я никогда не читала.

...И я, Лозэн, рукой белей чем снег.

Я подымал за чернь бокал заздравный!

И я, Лозэн, вещал, что полноправны

Под солнцем дворянин и дровосек!

Так ответственно я никогда не дышала. (Ответственность! Ответственность! Какая усадка сравнится с тобой! И какая слава?! Монолог дворянина - в лицо комиссару, - вот это жизнь! Жаль только, что Луначарскому, а не... хотела написать Ленину, но Ленин бы ничего не понял, а не всей Лубянке, 2!)

Чтению я предпослала некое введение: кем был Лозэн, кем стал и от чего погиб.

По окончании стою одна, с случайными знакомыми. Если бы не пришли, одна. Здесь я такая же чужая, как среди квартирантов дома, где живу пять лет, как на службе, как когда-то во всех семи русских и заграничных пансионах и гимназиях, где училась, как всегда - везде

Читала в той самой розовой зале, где служила. Люстра просияла (раньше была в чехле). Мебель выплыла. Стены прозрели бабками. (И люстры, и мебель, и прабабки, и предметы роскоши, и утварь . - . вплоть до кухонной посуды, -все обратно отбито "Дворцом Искусств" у Наркомнаца. Плачьте, заведующие!)

В одной из зал - прелестная мраморная Психея. Настороженность души и купальщицы. Много бронзы и много тьмы. Комнаты насыщены. Тогда, в декабре, они были голодные: голые. Такому дому нужны вещи. Вещи здесь меньше всего вещественность. Вещь непродажная - уже знак. А за знаком - неминуемо смысл. В таком доме они - смыслы.

Поласкалась к своим рыцарям.

14-го июля 1919 г.

Мои Службы. Марина Ивановна Цветаева tsvetaevamarina.ru
Третьего дня узнала от Бта, что заведующий "Дворцом Искусств". Ров, оценил мое чтение "Фортуны" - оригинальной пьесы, нигде не читанной, чтение длилось 45 мин, может больше, в 60 руб.

Я решила отказаться от них - публично - в следующих выражениях: "60 руб эти возьмите себе - на 3 ф картофеля (может быть, еще найдете по 20 руб!) - или на 3 ф малины - или на 6 коробок спичек, а я на свои 60 руб пойду у Иверской поставлю свечку за окончание строя, при котором так оценивается труд".

Москва, 1918-1919

Спасибо, что скачали книгу в бесплатной электронной библиотеке
<http://tsvetaevamarina.ru/> Приятного чтения!
<http://buckshee.petimer.ru/> Форум Бакши buckshee. Спорт, авто, финансы, недвижимость. Здоровый образ жизни.
<http://petimer.ru/> Интернет магазин, сайт Интернет магазин одежды Интернет магазин обуви Интернет магазин
<http://worksites.ru/> Разработка интернет магазинов. Создание корпоративных сайтов. Интеграция, Хостинг.
<http://filosoff.org/> Философия, философы мира, философские течения. Биография
<http://dostoevskiyfyodor.ru/>
сайт <http://petimer.com/> Приятного чтения!